

Р. Фейнберг

АККУЛЬТУРАЦИЯ,
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТРЕСС
И ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН НЕСЧАСТЬЯ
(на примере одного из островов
внешней Полинезии)

Введение

Многие народы верят, что болезнь и несчастье есть следствие неправильного поведения или конфликтов между отдельными индивидами. В таких обществах у людей существует мотивация к ведению честной жизни, что, в свою очередь, должно сохранить их благополучие. Если же болезнь или несчастье тем не менее случаются, община отвечает на это попыткой обнаружить и ликвидировать социальную трещину; при этом по ходу дела часто излечиваются и физические недуги.

Вероятно, самое известное объяснение этому явлению можно найти у Виктора Тернера¹ в его описании ндембу Замбии, однако примеров достаточно по всему миру. Холлоуэлл² много писал по этому поводу о канадских индейцах-салто; Хогбин³ сходную модель рассматривал у полинезийцев атолла Онтонг-Джава в Западной Океании; наконец, к этому феномену в целом обратился Либан в своей широко цитируемой обзорной статье⁴, а также в этнографической работе⁵.

Большинство таких исследований создают впечатление, что упомянутая система хорошо отрегулирована, поэтому описанные этиологические представления эффективно сказываются на поддержании общественного порядка, а качество социальных отношений находит точное отражение в эпидемиологических моделях. И для многих систем, сохраняющих гомеостазис, это вполне справедливо. Но можно ли то же самое сказать об общинах, испытывающих широкомасштабный социальный взрыв, порождаемый внешними факторами, при том, что локальная общность имеет над этими факторами слабый контроль или не имеет его вовсе? В данной работе я анализирую ситуацию, которую обнаружил на Ануте (полинезийском «внешнем» острове восточной части Соломоновых островов) во время моего второго посещения этих мест в 1983 г.

Когда я был здесь впервые в начале 1970-х годов, то обнаружил почти универсальное действие традиционных верований и ценностей. Большинство несчастных случаев анутанцы относили на счет того, что жертвы этих случаев не сумели в обращении с лицами более высокого ранга выказать им подобающее уважение и соответствующие их рангу знаки внимания. Обычно страх перед подобным возмездием сочетался с другими механизмами и обеспечивал то, что большая часть населения как правило вела себя в соответствии с предписаниями данной культуры. Иногда, когда действительно ломались привычные механизмы социального контроля и нарушались нормы поведения, результатом становились болезни и несчастья. Эффективное лечение требовало устранения возникшей социальной трещины, и в большинстве случаев статус-кво, существовавшее на момент несчастья, вскоре восстанавливалось.

Во время начального периода своих исследований я собирал обширный иллюстративный материал, подтверждающий такой сценарий⁶. В течение десяти лет, разделяющих мой первый и второй визиты на Ануту, произошли, однако, значительные перемены. Крайняя степень физической и социальной изоляции уступила место усиленному контакту с внешним миром, более

высокому уровню образования, растущей вовлеченности в рыночную экономику и большему стремлению к обладанию европейскими товарами. Анутанцы обнаруживают сильную раздвоенность между приверженностью традиционным обычаям и усвоением новых ценностей, символов и моделей взаимоотношений. Прежние представления о вождях подвергаются сомнению. Сложилась отдельные группировки, и конфликтность пронизала социальную ткань острова. В этих условиях, как следует из антропологической премудрости и анутанских предположений, нам остается ждать вспышки повсеместных несчастий и болезней. Ниже я рассматриваю, какого рода давление привело к подобному состоянию дел и какова реакция анутанцев на это давление.

Анута прежде и теперь

Когда я первый раз приехал сюда в 1972—73 годах, на Ануте было около 160 человек и еще приблизительно 40 жили вне пределов острова⁷. Это население делилось на 19 домохозяйств (*патонгиа*) на основе расширенных семей, и четыре *каинанги*, или так называемых «клана»⁸. Эти кланы были ранжированы в соответствии с генеалогическим старшинством. Первые два из них возглавлялись, соответственно, старшим и младшим вождями (Те Арики-и-Муа и Те Арики Тепуко). Остальные два клана не имели вождей*.

Десять лет назад влияние Запада на большинство сфер жизни Ануты было слабым. К тому времени уже более полувека остров был христианизирован. Но при этом урожай собирался и рыба добывалась только древними способами и только в целях самообеспечения. Большая часть взрослого населения в определенный период жизни уезжала за море, чтобы иметь возможность посещать школу, работать или навестить родственников; но их труд за границей был почти исключительно неквалифицированным, и на деле никто из уехавших не посещал среднюю школу. Только один человек на острове мог говорить по-английски и еще один хорошо изъяснялся на пиджине. Межличностные отношения строились, исходя из принципов родства, а именно: сочетания генеалогии и *аропы* («любви»), как это явствует из господствующего здесь способа распределения. Иногда такие европейские товары, как керосин, могли быть проданы одним анутанцем другому, но ничем из продуктов традиционного производства островитяне друг с другом не торговали.

Коммерциализация отношений между людьми. Всего через десять лет обнаружилось перемены. Население увеличилось на 25%. Примерно 12 человек посещают среднюю школу, а один островитянин обучается в инженерных классах Технического университета на Новой Гвинее. По крайней мере две дюжины человек говорят на сносом английском, а большинство мужчин и некоторые женщины — на удовлетворительном пиджине. Сам по себе анутанский язык во все возрастающей степени подвергается влиянию английского языка, и такие термины как *маами* — «мама» (ср. *паанае*), *таати* — «папа» (ср. *мана*) и *аанти* — «тетушка» (ср. *макитанга*) — уже вошли в анутанский лексикон¹¹. Работа по найму по-прежнему носит неквалифицированный характер, однако растет число островитян, удерживающих надежные позиции в бизнесе или в сфере обслуживания.

Как следствие для анутанцев открылась более широкая возможность приобретения денег, а значит и европейских товаров. Желание обладать ценными предметами потребления усилилось, а отсюда и нужда в деньгах выросла. Важный источник получения доходов и потребительских товаров — по-прежнему люди, занятые работой по найму и уехавшие за море; большинство

* Система рангов на Ануте подробно разбирается в моей работе. См. сн. 9. Дополнительную информацию см. также в сноске 10. Старший вождь иногда называется Туи Анута; младший вождь узнается по дополнительным титулам: Те Арики-и-Мури и Туи Каинанга. Мужчины из вождеских «кланов» называются *мару* («защитники»); члены простых «кланов» — *пакаарона* («вызывающие сострадание», или «несчастные»).

из них высылают домой часть своих заработков. Вдобавок двое школьных учителей, медик-санитар и руководство церкви имеют денежные доходы. В небольшом объеме началось производство копры. Функционируют три хранилища. А некоторые семьи даже начали продавать бетель, табак, таро и бананы другим островитянам, находя в этом источник добывания наличных средств.

Увеличившийся доступ к западным вещам сделал жизнь более приятной. Металлические инструменты, синтетические рыболовные лески, подводные электрические фонарики, радиоприемники, лекарства, эффективная система водопровода — все это сделало быт более легким, а труд более продуктивным. Однако те же самые изменения породили деформацию в социальной и культурной системах. С этой точки зрения важно, что именно можно описать как коммерциализацию межличностных отношений.

За минувшее десятилетие во много раз увеличились частота и жесткость возникающих споров. И почти все эти споры так или иначе вертятся либо вокруг денег, либо вокруг церкви. Один из недавних примеров — разногласия по поводу владения, финансирования и возведения дома в общине Белой реки, что расположена к западу от Хониары, на Гуадалканале. В другом случае владелец склада на Ануте послал своему родственнику в Хониаре крупную сумму денег для покупки продовольствия. Деньги же, как говорят, были истрачены на выкуп за невесту и в продовольствие так никогда и не материализовались. Однако, вероятно, наиболее значимым показателем перемен в ориентации является тот факт, что, невзирая на неодобрение старшего вождя, несколько анутанских семей практикуют продажу продовольствия.

Последний из этих конфликтов особенно примечателен, поскольку не только отражает коммерциализацию отношений, но также свидетельствует о кризисе института вождей, который развился за последние несколько лет и угрожает стать со временем гораздо более суровым.

Кризис института вождей. За все время, что люди живут на Ануте, для власти вождей периодически возникала угроза. Тому есть документальные свидетельства¹². Однако такая угроза всегда была кратковременной и либо подавлялась физически, либо эффективно снималась по мере того, как все заканчивалось болезнью или несчастьем, выпадавшими на долю тех, кто пренебрегал почтительным отношением к власти вождей. Кризис, который я наблюдал в 1983 г., был уникален по своей продолжительности и по глубине противостояния; при этом и то, и другое отражало силу воздействия лежащих в основе всего внешних причин.

Представляется, что ситуация созрела еще в середине 1970-х годов, когда несколько домохозяйств приступили к продаже таро, бетеля, табака и бананов тем, кто испытывал недостаток продуктов. Это было не только очевидным отходом от традиционного поведения, но и прямым противопоставлением принципу *ароны* и родства, диктовавших правильные действия в рамках старой системы.

Индивиды испытывают глубокую внутреннюю раздвоенность и к тому же находятся в состоянии резкого противостояния друг другу. Люди, с которыми я говорил, единодушно выражали свою приверженность древнему обычаю. Но одновременно с этим все они жаждали того, что воспринималось ими как преимущества современности. Они признавали, что старые и новые ориентиры по большей мере несопоставимы, и что разные люди по-разному решают для себя эту дилемму. Но даже самые передовые анутанцы обеспокоены утратой обычаев, и в то же время даже наиболее последовательные традиционалисты высоко оценивают европейские товары и западное образование.

Старший вождь всегда смотрел на себя как на лицо, ответственное за благополучие острова, и всегда поддерживал коллективистскую сущность общины. Во время непродолжительного голода 1972 г. он приказал всему

населению действовать как единое домохозяйство, готовить и потреблять еду всем вместе. Он исходил из того, что все население — это семья, и было бы неправильно, если бы одни ее члены ели в то время как другие голодают. Продажа еды — это вызов самой основе такого поведения, поэтому вождь запретил торговать едой.

С точки зрения тех, кто был вовлечен в торговлю, она являлась интегральной частью их новой ориентации, которая подразумевает, выражаясь европейскими понятиями, стремление к движению вверх. Торговля давала возможность копить наличные деньги на Ануте, и потому была важной частью стратегии, направленной на обладание роскошными и престижными товарами. Более того, первые два «дома» (*наре*), начавшие торговать продовольствием, считали своим долгом финансово поддерживать своих детей-школьников, учившихся за морем*. Таким образом, практика торговли распространилась скорее, нежели эти «дома» прислушались к распоряжению вождя и отказались от продажи продуктов питания. Больше того, мужчины-*мару* двух ведущих «кланов», на которых вождь опирался, добиваясь выполнения своих приказов, оказались среди лидеров оппозиции.

Такое положение дел продолжалось в течение нескольких лет, иногда затихая, иногда вспыхивая открытым пожаром. Между тем вождь продолжал осуществлять моральное лидерство в качестве учителя катехизиса, ведя службы и проповедуя в одной из двух анутанских церквей. Потом, около 1979 или 1980 г., *мару* стали оказывать давление на вождя с тем, чтобы он прекратил свою религиозную деятельность. Информаторы отрицали при этом связь между таким развитием событий и продажей продовольствия. *Мару* — говорили они — просто чувствовали, что не годится одному человеку быть одновременно и вождем, и учителем катехизиса. Однако нельзя сбрасывать со счетов и возможность того, что оппоненты вождя хотели отнять у него одну из главнейших основ его власти и авторитета.

Поначалу вождь отказался пойти им навстречу, утверждая, что сам д-р С. Э. Фокс лично поручил ему взять на себя ответственность за благополучие анутанской церкви и анутанских обычаев. Упомянутый д-р Фокс был видным англиканским миссионером, большую часть своей долгой жизни проведшим на Соломоновых островах. Он пользовался глубочайшим уважением и вызывал восхищение своей самоотверженностью, мужеством и искренней заботой о благополучии людей, среди которых жил на протяжении десятилетий. После его недавней смерти он стал в понимании многих почти полубогом.

Согласно Пу Теукумараз, младшему брату верховного вождя Ануты, «Доктор» несколько раз бывал у *арики* («вождя») в гостях. Первые два раза, по его словам, «Доктора» встречала большая группа анутанцев, наблюдавших, как он сходил на берег. В остальных случаях Фокс приезжал только к вождю. Он беседовал с вождем, и когда тот хотел ему ответить, дал знак молчать, дабы не привлекать внимания других людей. Суть его речи заключалась в том, что церковь и анутанский обычай составляют единство. «Церковь — первая, а обычай следует за ней».

Когда *мару* непреклонно настаивали на том, что один человек не может одновременно быть и учителем катехизиса, и вождем, последний заявил, что скорее откажется от своего положения *арики*, нежели от церковной деятельности. Другие проповедники просили вождя разрешить им вынести этот спорный вопрос на обсуждение *поно* — общего собрания всех островитян. Но он сказал им, что не может дать разрешения, поскольку больше не является вождем. Будет лучше, если они обратятся к *Арики Тепуко* — младшему вождю. Однако младший *арики* ответил, что является вождем только в силу родства с Туи Анута. «Я сию только у дальнего края *цаповки* (*тапакау*);

* Может быть, немаловажно заметить, что одной из первых семей, начавших торговать продовольствием, было домохозяйство самого низкого по анутанской традиции ранга.

он сидит — у ближнего. Поэтому спросите его. Если он не вождь, то и я тоже». Таким образом, все зашли в тупик.

В конце концов вождь согласился с требованием *мару* и отказался не только от своих обязанностей преподавателя катехизиса, но также и от поста главы компании «Меланезийское братство». С тех пор напряженность продолжала расти. *Арики* покинул деревню и соорудил себе дом на вершине горы, где прожил один целый месяц. Все это время он, если отправлялся гулять по острову, не расставался с теслом. Ходила молва, что он замыслил однажды ночью зарезать своих подданных-*мару* спящими; на самом же деле вождь не ходил гулять безоружным, потому что опасался за свою собственную жизнь.

Драматический уход вождя заставил людей увидеть всю серьезность сложившейся ситуации; и вождь в конечном итоге, желая охладить умы, вернулся в свою деревенскую резиденцию. Примерно в это время Пу Теукумараэ, младший брат *арики*, приехал в гости на Ануту.

Пу Теуку (мараэ), известный за пределами Ануты как Франк Катаина, много лет был видной фигурой в полиции Соломоновых островов. Он занимал такие посты как суперинтендант службы подготовки полицейских и главный прокурор провинции по уголовным делам. Будучи самым молодым в своей группе сиблингов, он тем не менее самый опытный из них. Он человек спокойный, уверенный в себе, с великолепными качествами лидера. Его профессиональные обязанности делают маловероятной возможность возвращения на родной остров, но постоянно бывающие в Хониаре анутанцы держат его в курсе всего происходящего у них дома, и раз в три года он использует трехмесячный отпуск, чтобы навестить родных на Ануте.

Однажды, гуляя вдоль берега, он сказал мне, что явственно ощущает царящее на острове напряжение. В церкви, по его словам, сложилась обстановка «клуба», а не религиозной службы. После выхода из храма другой его брат, Пу Теаокена, в деталях поведал ему обо всем происходящем.

Пу Теуку созвал всех *мару*, чтобы обсудить проблемы острова. По вопросу о продаже продовольствия он занял ту же позицию, что и вождь. Вскоре завязался спор, и вожди вынуждены были разойтись с собрания, пока оно не превратилось в потасовку.

Созвали всеобщий сход, и местные преподаватели катехизиса обратились к толпе. Пу Терата, в частности, выступил с весьма эмоциональной речью, которую Нау Теукумараэ (жена Франка) передала мне. Пу Терата сказал, указывая на Пату-о-Манго («Острую скалу», или валун, лежащий на некотором расстоянии от берега): «Взгляните на ту скалу вдалеке. Она — сама по себе в океане. У нас нет твердой дороги, чтобы добраться до нее. Я хочу, чтобы вы все наполнили прибрежным песком ведра и построили мост. Во времена моей юности я помню остров зеленым и прекрасным. Теперь, когда я вырос, мне грустно видеть его коричнево-желтым. Два года не было дождя. Урожай сохнут на корню. Отчего это? Оттого, что некоторые люди покинули своего вождя. Вождь — как та скала вдалеке. Если вы хотите, чтобы остров снова стал зеленым, вы должны построить мост и восстановить отношения, выказав вождю подобающее уважение и послушание».

Вопрос о плохом урожае много раз поднимался и продолжал оставаться темой разговоров на протяжении 1983—1984 годов. Без каких-либо исключений все островитяне объясняли дело нарушениями в общественных отношениях, особенно между вождем и народом. Пу Теукумараэ, посмеиваясь и иронизируя, рассказывал мне, что несколько раз у людей, начинавших торговать таро и другими известными им культурами, их собственный урожай таро погибал на огородах. То же самое затем происходило с бананами и папайей.

Между тем Нау Теуку приснился тревожный сон. Это было во время празднования пасхи. Во сне Нау Теуку видела, что она с мужем на Ануте (как и было на самом деле). Народ готовился к пиру, и она со всеми вместе

отправилась на Маунгу (холм) за банановыми листьями. Каждый нес свою охапку, но одна куча листьев осталась лежать на земле. Нау Теуку подумала, что сумеет принести самую большую охапку и нагнулась, чтобы поднять ее. Когда она собрала листья, то обнаружила, что они закрывали некое отверстие. Она заглянула в него и увидела гигантскую змею и сороконожку. Нау Теуку обратилась к Пу Теуку и сказала: «Ты ведь говорил мне, что на Ануте нет змей и ядовитых насекомых»*, на что он ответил: «Правильно. Нет». Она отпарировала: «Ты лжец! Иди посмотри на эту яму.» После некоторого препирательства Пу Теуку пошел взглянуть на указанное женой место. Нау Теуку сказала: „Разве это не змея?“

Двое животных начали карабкаться наружу. Пу Теуку выронил свой нож и побежал в спясть. Нау Теуку подобрала нож и убила им обоих животных. Она сложила их назад в яму и прикрыла листьями. В этот момент ее муж заворочался во сне, толкнул ее, и она проснулась.

На следующее утро супруги попросили жену вождя пересказать тому их историю, чтобы он ее как-то интерпретировал. Вождь отказался. *Матаки* (сын вождя) умолял отца о том же, но он стоял на своем. Тогда Пу Теуку велел жене пойти и самой спросить вождя. *Арики* сказал ей, что не даст полной интерпретации, но что как только кончится пасха, наступит время великой печали.

В пасхальное воскресенье женщина по имени Нау Поуроу родила сына. На следующей неделе закончился праздник. Когда люди пошли обратно с танцевальной площадки в деревню Ротоапи, они услышали вопли, раздающиеся из дома Нау Поуроу. В тот момент, когда прекратились танцы, новорожденный умер.

А на неделе восемнадцатилетний юноша, Альфред Таувака, разбился насмерть, спускаясь с крутого утеса на северном побережье острова, где он хотел наловить раковин. Нау Танукопе (шестидесятилетняя женщина) скончалась. На остров пришла тяжелая болезнь. Все, за исключением Пу Теуку, оказались беспомощны перед лицом инфлюэнцы и конъюнктивита. Вождю парализовало ногу, так что он не мог ходить и оказывать помощь больным. Немецких приходилось доставлять к вождю, и он вставал с одра, чтобы традиционным способом «наложения рук» исцелять страждущих. Пу Теуку делал все возможное для ухода за больными, но не мог в одиночку приготовить достаточное количество еды для всего острова. В то же самое время урожай по-прежнему пропадал. Не было таро, папайи или бананов. Люди вынуждены были поддерживать существование за счет плодов хлебного дерева, маниоки и *ма* (квашеных крахмалистых овощей, хранимых закопанными в землю как раз для таких экстремальных случаев).

Данные события всеми поголовно объяснялись как результат происходящих на острове социальных конфликтов. И народ решил, что, если ситуация не изменится, всей общине грозит опасность. С этого момента обе стороны прикладывали усилия, чтоб остудить страсти и восстановить открытый мир. Но выполнено это было не теми, кто много говорил о причинах напряженности, а людьми, не принимавшими участия в обсуждениях. Семьи, которые торговали всем, что выращивали на огородах, прекратили это делать или по крайней мере скрывали свое занятие (но по-прежнему утверждали, что оно правомерно). Со своей стороны и вождь воздерживался от обличения того, что считал неправильным поведением; он проявлял свой протест иначе: отказывался присутствовать по воскресеньям на церковной службе (не мог вынести ошибочного, как ему представлялось, толкования Библии или некоторых разделов катехизиса).

* Нау Теуку происходила не с Ануты, она была жительницей Соломоновых островов, а ее предки были родом с Тувалу. То был ее первый приезд на Ануту. Она рассказала мне свой сон по-английски, и «насекомые» — было ее слово. На самом деле на Ануте действительно есть сороконожки (*морокау*), но змея тут не водятся.

По большей части заключения антропологов свидетельствуют, что когда мы сталкиваемся со случаем болезни, то можно ожидать выхода на поверхность прежде скрытно вызревавших конфликтов, которые преодолеваются точно так же, как и физическое недомогание. В конечном итоге напряжение спадает, социальное равновесие восстанавливается, и болезнь ослабевает.

В случае Ануты надо отметить, что основной категорией здесь выступает не «болезнь» как таковая, а несчастье. Хотя анутанцы знают слово *нгаенгае*, которое приблизительно можно перевести как «болезнь», и хотя «болезнь» рассматривается здесь как коллективное наказание за нарушение общественных норм, тем не менее другие несчастья также могут стать результатом подобных нарушений. Для жителей Ануты суровость погоды, неурожай, случайная рана или смерть — являются таким же знаком нарушения основ порядка, как инфлюэнца или конъюнктивит*. Целитель в таком случае несет ответственность не только за то, чтобы поставить на ноги больных людей и погасить социальный конфликт, но также и за то — как это было отмечено в случае с навахо юго-запада США¹⁴ — чтобы полностью восстановить гармонию и равновесие в мире.

Вторая черта, которую Анута разделяет со множеством других, далеких от западной цивилизации обществ, — это вера в то, что наказание за неправильное поведение может постигнуть либо самого виновника, либо кого-то из его ближайшего окружения. Это важный момент, облегчающий воплощение на практике справедливого возмездия, поскольку создается большое число потенциальных возможностей, любая из которых может быть использована для доказательства торжества системы верований. И чем больше возврат к этой традиционной системе, тем сильнее ее способность служить механизмом общественного контроля. На Ануте это иллюстрируется двумя примерами, когда — по словам сторонников вождя — жены людей из оппозиционной группировки серьезно заболели, и их жизням угрожала опасность. В одном случае мужчина, бывший видным деятелем оппозиции, изменил в корне свои взгляды и проявил лояльность вождю (при этом его жена, как мне сказали, чудесным образом исцелилась). В другом случае мужчина работал на о-вах Рассела, когда его жена, оставшаяся на Ануте, захворала. К тому времени, как весть об этом дошла до него и он вернулся на родной остров, она умерла.

Очень хочется поверить (тем самым вновь отстаивая функционалистский взгляд на природу общества), что, несмотря на отдельные несчастные случаи, наша история будет иметь счастливое завершение. Эта вера в скором времени вполне может оправдаться. Риторика смолкла, и вот уже представители обеих конфликтующих сторон рассказывают мне в своих письмах, что жизнь на острове снова течет гладко. Люди уважают и слушаются двух своих вождей. Старший вождь вернулся к исполнению обязанностей учителя катехизиса. Никаких крупных эпидемий или бедствий не приключилось, и урожаи хорошие. Началá действовать программа развития общины, предполагающая наличие правления, чиновников, ежегодного бюджета и торгового судна, что стало возможно благодаря усилиям нескольких международных агентов (!). В то же время для молодых людей был введен курс обучения, осуществляемый признанными лидерами общины — с целью дать молодежи знание и понимание традиционной культуры Ануты.

Очевидно, что островитяне предпринимают серьезные усилия, чтобы встать вровень с тем новым, что проникает в ткань их общества. Они подошли к делу справедливым образом, так что в интересах сохранения мира на острове

* Тут Анута, несомненно, представляет собой исключение. Возьмем только один известный пример: неудача в охоте у ндембу Африки (Тернер¹⁵) имеет такие же последствия, как неурожай на Ануте.

каждый человек обязан идти на значительный компромисс. Однако глобальные силы, столкнувшиеся на Ануте, таковы, что остается весьма мало надежды на то, что кризис в обозримом будущем разрешится сам по себе. Напротив, лежащие в его основе противоречия, приведшие к подрыву власти на острове, остались в силе и со временем, похоже, станут только острее. Тревожные свидетельства того, что сулит анутанцам будущее, налицо уже сегодня.

Человек, жена которого умерла, когда он возвращался с о-вов Рассела, не был лидером оппозиции. Мне сказали, однако, что он считает вождя повинным в смерти своей жены и что он до сих пор — хотя и не громогласно — порицает установленный на острове порядок.

«Классы», характерные для традиционной культуры, явно уже не вписываются в ситуацию, когда многие молодые люди, под водительством вернувшихся домой выпускников учебных заведений, пренебрежительно относятся к старым порядкам и к людям, которые их придерживаются. Эта молодежь согласилась с идеей обучения древним традициям, но только после того, как подверглась публичным унижениям и брани. Будет ли благоприятной реакция молодого поколения на предложенную программу обучения — покажет время.

Обвинения и разбирательства по поводу сексуального поведения (со всей присущей этой теме крайней эмоциональностью) стали несравнимо более частыми — по мере того, как учащались контакты островитян с внешним миром. Тем временем анутанцы оказались втянутыми в конфликт между центральной и провинциальной администрацией, и напряженность между Анутой и Тикопией продолжает нарастать. Мобильность населения и растущая образованность по-прежнему располагают молодых людей к восприятию нетрадиционных идей и опутывают анутанцев всех возрастов денежными отношениями. Братья верховного вождя и его единственный сын — бездетны; и если это не изменится, то в грядущем поколении институт вождей окажется перед серьезной угрозой¹⁵. Что касается линии наследования младшего вождя, то она тоже под вопросом, поскольку говорят, что мать законного наследника якобы прокляла своего старшего сына за то, что тот не возвращается из-за моря и не хочет жить рядом с матерью на закате ее дней. Ясно, что посеяны семена беспорядка, и если только анутанцы не окажутся одновременно весьма удачливыми и весьма осторожными — эти семена обязательно станут прорасти.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что анутанцы — отчасти в силу своих страхов перед неизбежными ужасными последствиями социальных конфликтов — предприняли замечательную попытку сохранить в неблагоприятных обстоятельствах солидарность своей общины и элементы своего древнего обычая. Однако даже угроза болезни и несчастья не может свести на нет действие тех сил (в большинстве своем внешних), которые с определенного момента стали влиять на ситуацию на Ануте. И поскольку эти силы оказывают все более глубокое влияние на остров, напряженность и конфликтность несомненно будут нарастать. Больше того, поскольку конфликт, по местным представлениям, имеет своим следствием болезнь и несчастье, и поскольку вера в это часто становится сбывшимся пророчеством¹⁶, — вероятно, социальные болезни островитян вызываются физическими и эмоциональными трудностями. Таким образом, пример Ануты демонстрирует, с одной стороны, важность представления о «наказании болезнью» — для поддержания стабильности общественной жизни; с другой — ограниченные возможности такого представления в условиях быстрых и коренных изменений.

Перевод И. Ж. Кожановской

- ¹ Turner V. A Ndembu Doctor in Practice//The Forest of Symbols. Ithaca, 1967; The Drums of Affliction: A Study of Religious Processes among the Ndembu of Zambia. Oxford, 1968.
- ² Hallowell A. I. The Social Function of Anxiety in a Primitive Society//Personal Character and Cultural Milieu. Syracuse; New York, 1956; Fear and Anxiety as Cultural and Individual Variables in a Primitive Society//Culture and Mental Health. N. Y., 1959.
- ³ Hogbin H. I. Lew and Order in Polynesia. Hamden, 1934.
- ⁴ Lieban R. W. Medical Anthropology//Handbook of Cultural and Social Anthropology. Chicago, 1973.
- ⁵ Lieban R. W. The Dangerous Inkgantos: Illness and Social Control in a Philippine Community//American Anthropologist. 1962. V. 64. P. 306—312.
- ⁶ Feinberg R. Anutan Concepts of Disease: A Polynesian Study. Laie, 1979; *idem*. Supernatural Sanctions and the Social Order on a Polynesian Outlier: Anuta, S. I.//Anthropological Forum. 1980. V. 3—4. P. 331—351.
- ⁷ Более точные сведения о демографии анутанцев и их передвижении за пределами острова см.: Feinberg R. Anuta: Social Structure of a Polynesian Island. Laie, Copenhagen, 1981.
- ⁸ Следует подчеркнуть, что данные глоссы, хотя и удобны, тем не менее носят весьма приблизительный характер. В целях более глубокого обсуждения этих понятий в применении к категориям анутанской культуры — см.: Feinberg R. Rank and Authority on Anuta Island//Adaptation and Symbolism: Essays on Social Organization. Honolulu, 1978; *idem*. Anutan Concepts of Disease; *idem*. Anuta: Social Structure...; *idem*. The Meaning of «Sibling» on Anuta Island//Siblingship in Oceania: Studies in the Meaning of Kin Relations//ASAO Monograph. 1981. № 8.
- ⁹ Feinberg R. Rank and Authority ...
- ¹⁰ Feinberg R. Anutan Concepts of Disease ...; *idem*. Supernatural Sanctions...; *idem*. Anuta: Social Structure ...
- ¹¹ Обсуждение проблемы анутанской системы родства см.: Feinberg R. Anutan Social Structure//Anuta: A Polynesian Outlier in the Solomon Islands//Pacific Anthropological Records. 1973. V. 21. P. 9—20; *idem*. Anuta: Social Structure ...; *idem*. The Meaning of «Sibling» ...
- ¹² Feinberg R. Rank and Authority ...; *idem*. Anutan Concepts of Disease ...; *idem*. Supernatural Sanctions...
- ¹³ Turner V. A Ndembu Doctor...
- ¹⁴ См. напр.: Witherspoon G. Navajo Language and Art. Ann Arbor, 1977. P. 187 and passim.
- ¹⁵ Feinberg R. The «Anuta Problem»: Local Sovereignty and National Integration in the Solomon Islands//Man. 1986. V. 21. № 3.
- ¹⁶ Более подробно вопрос о психогенном элементе в практике врачевания на Ануте рассматривается в кн.: Feinberg R. Anutan Concepts of Disease...

Acculturation, Psychosocial Stress and Explanation of Misfortune on a Polynesian Outlier

Professor Feinberg's paper (Kent State University, Ohio, USA) is based upon his own field data from Anuta, a Polynesian «outlier» in the eastern Solomon Islands. Comparing the materials obtained with the decade interval, the author fixes marked changes in traditional way of life caused by breach of former isolation, invasion of market economy and increased tendency to accumulate money and acquire European goods.

Such new situation traumatically tells upon Anutan ancient complex of social relations, in particular on the chiefly authority, collective character of the community, on youth behavior. It generates author's question: how does the well-known and widespread mechanism of keeping up social foundations work in such situation? The essence of the matter is people's fear of supernatural sanctions when they deviate from traditional norms. Anutans' belief in these sanctions (disease, untimely death, crop failure, inclement weather and other misfortune) is universal. At the same time it is obvious for each islander that the only way to escape misfortune is to retrieve status quo of shaken traditions.

Telling about successful experience of «social therapy» on Anuta, Feinberg shows both vitality of an ancient mechanism of social stabilization and its limited possibilities as to the historical perspective.